

—

Когда Лу Ичуань вернулся, его одежда была влажной от дождя. Он повесил зонт у двери и заметил, что в общежитии чего-то не хватает.

Переведя взгляд на балкон, он увидел, что пропавшая вещь переместилась туда.

Кошачья лежанка была полузакрытой, и с его стороны можно было видеть только спину и одну лапу, лежащую на краю.

Лапа то сжималась, то разжималась, даже во сне не забывая «топтать молоко».

Подойдя ближе, можно было услышать тихое мурлыканье, которое под шум дождя создавало ощущение уюта, которого он давно не испытывал.

Он стоял у двери и молча смотрел, ветер проносился по его лицу, унося ту теплоту, что была в его глазах.

Но через несколько секунд он снова улыбнулся, изогнув уголки губ.

Он знал, что это неправильно, но всё равно позволил себе погрузиться в это. Как будто он знал, что лекарство ядовито, но всё равно его выпил.

Потому что он был уже безнадёжен.

...

Когда Цзян Хэн проснулся, он обнаружил, что находится в объятиях, пахнущих жасмином.

Между человеком и котом была только тонкая рубашка, и тепло двух существ беспрепятственно передавалось.

Цзян Хэн некоторое время был в замешательстве, не успев опомниться, как ему в рот сунули сушеную рыбку.

Хрустящая, соленая, она была в сто раз вкуснее кошачьего корма, который он ел.

Цзян Хэн, проглотив одну, отчаянно потянул одежду мужчины: «Мяу!»

Ещё миллиард!

Лу Ичуань сунул ещё одну, тихо и нежно произнося: «Мими проснулся?»

Цзян Хэн, держа сушеную рыбку, поднял голову и посмотрел на Лу Ичуаня.

На мужчине была простая белая рубашка. Из-за дождя было очень темно, плюс густая листва платанов, света на балкон попадало мало, но Лу Ичуань выглядел очень нежным.

На мгновение Цзян Хэн почувствовал, будто вернулся в прошлое.

Лу Ичуань опустил голову и посмотрел на него: «Хочешь ещё?»

Он наклонился, открыл пакет, который держал в руке, и показал полную пачку сушеной рыбки: «Всё тебе».

Глаза Цзян Хэна тут же загорелись, всё его внимание было сосредоточено на рыбке, и странное чувство, которое возникло в его сердце, тут же было отброшено.

Так как шел дождь, на улице было немного людей, но из коридора доносились взрывы смеха, из-за чего сторона Лу Ичуаня казалась необъяснимо пустынной.

Лу Ичуань не обращал внимания, он нашёл тарелку, положил туда сушеную рыбу для Цзян Хэна, а сам лениво откинулся на стуле, доставая сигарету из кармана.

Цзян Хэн поднял голову и взглянул на него.

Мужчина, держа сигарету в зубах, расслабленно опустил взгляд и встретился с его взглядом, с улыбкой на губах, но выражение лица было несколько отстранённым.

Пальцами, пахнущими табаком, он сжал ухо Цзян Хэна: «Как? Мими даже хочет контролировать, как я курю?»

Он так и говорил, держа сигарету во рту, голос был несколько невнятным, низким, с движением кадыка вверх-вниз, что придавало ему какой-то бандитский оттенок.

Неизвестно откуда взявшийся жар пронёсся по лбу Цзян Хэна, сушеная рыба во рту вдруг выскользнула и упала.

Короткий, низкий, сдавленный смех раздался над его головой.

Цзян Хэн посмотрел на палец, который всё ещё был рядом с ним, и в порыве злости резко укусил его.

Лу Ичуань не шевельнулся, просто позволял ему кусать, и только когда Цзян Хэн накусался вволю, он вытащил свои влажные пальцы.

«Боеспособность неплохая», — оценил он, — «даже следа не оставил».

Цзян Хэн: «...»

Лу Ичуань, вытерев пальцы, достал зажигалку, прикурил сигарету, глубоко затянулся, затем закрыл глаза и медленно выдохнул. Дым клубился вокруг его лица, скрывая черты, выражение его лица было усталым.

Цзян Хэн чихнул от едкого запаха.

Лу Ичуань стряхнул пепел, словно не услышав его чихания: «Сегодня дождь такой сильный...»

«Прогноз погоды говорит, что этот дождь будет идти несколько дней подряд, наверное, до самого Цинмина».

«Время летит быстро, и вот уже Цинмин».

Цинмин – это день поминовения усопших.

Цзян Хэн в глубине души дрогнул, он поднял голову и посмотрел на Лу Ичуаня.

Но рука мужчины вдруг погладила его по лицу, взъерошив всего kota, и его взгляд был заслонён.

Голос Лу Ичуаня стал необъяснимо весёлым: «В такую хорошую погоду, Мими, ты не спишь?»

Цзян Хэн вырвал свою голову из его дьявольской хватки.

«Мяу!»

Хватит гладить, хватит! Моя причёска испорчена.

«Похоже, Мими тоже хочет спать».

«Как насчёт того, чтобы я спел тебе песню, чтобы убаюкать?»

Не успел Цзян Хэн ничего сказать, как Лу Ичуань свернул кота в своих объятиях, его взгляд упал на листья платана, с которых капала вода.

Его голос был немного хриплым, прерывающимся в дождливый полдень.

Только сигарета, зажатая между его пальцами, против ветра, алый уголёк которой горел всё ярче.

...

—

Детство Лу Ичуаня было далеко не таким хорошим, как о нём говорили другие.

У него был старший брат, честный и немногословный, который, хотя и не доставлял хлопот, но и не выделялся, сильно отличаясь от идеального преемника, которого требовала его мать.

Поэтому она родила Лу Ичуаня.

Но когда она была им беременна, отец Лу Ичуаня ей изменил.

Рождение Лу Ичуаня было трудно назвать удачей или неудачей. Он жил в лучших условиях, чем его брат, получал всё самое лучшее, но в то же время ему приходилось терпеть извращённый контроль матери и её эмоциональные вспышки.

Когда мать обнаружила измену отца, её психическое состояние стало немного нестабильным, и после рождения Лу Ичуаня оно не улучшилось, а только ухудшилось.

Единственный козырь в её руках — Лу Ичуань, который может заставить отца Лу передумать. Этот козырь может дать ей право снова говорить, поэтому Лу Ичуань должен был быть выдающимся во всём.

Но лицо Лу Ичуаня было слишком похоже на лицо его отца, и его мать всегда видела в его лице тень другого человека.

В её сердце засел шип, и даже в самом лучшем она могла найти изъян.

В его детстве больше всего времени он проводил на маленьком чердаке в заднем саду виллы, таком маленьком, что даже в свои несколько лет он едва мог стоять прямо.

Там никто не убирался, он был завален всяким хламом, и прислушиваясь, можно было услышать, как шуршат мыши. Единственным источником света было узкое окно в стене.

Помимо еды и учебы, большую часть времени слуги заталкивали Лу Ичуаня на чердак, чтобы он мог поразмыслить о своих поступках.

Он не знал, о чём ему размышлять, он мог только молча наблюдать, как единственный луч света постепенно склоняется, тускнеет, а затем мир погружается в темноту.

А потом звезда спустилась на подоконник.

В отличие от него, молчаливого, холодного и раздражающего, Цзян Хэн был сияющим солнцем, никто не испытывал к нему неприязни, даже слуги на вилле семьи Лу.

В три с половиной года Цзян Хэн пошёл в детский сад, ростом он особо не вырос по сравнению с предыдущим годом, но его больше кормили, и лицо стало ещё круглее, две маленькие ручки были пухлыми, а когда он улыбался, глаза всегда сужались, рот растягивался, и ямочки почти исчезали.

Никто не мог устоять перед сладкой, мягкой улыбкой, даже черствые слуги семьи Лу.

И вот, после занятий Цзян Хэн получил лестницу, на лестнице висела большая корзина, а сам он, пристегнувшись ремнем, словно звезда, спустился к узкому окну чердака.

«Дуодуо...»

Цзян Хэн прилип к стеклу, почти прижавшись лицом к нему, черты лица исказились: «Дуодуо, я пришёл тебя навестить».

Лу Ичуань будто бы не умел плакать, даже будучи так запертым, он всё равно улыбался, видя Цзян Хэна: «Отступи немного, осторожно, не уподи».

Увидев, что Цзян Хэн отодвинулся, он сказал: «Это Гэгэ, а не Дуодуо».

Даже поступив в детский сад, малыш Цзян Хэн всё ещё не очень отчётливо разговаривал: «Дуодуо, что с тобой? Почему ты здесь?»

Лу Ичуань сдвинулся, прислонившись к окну, глядя на Цзян Хэна снаружи: «Ничего. В детском саду весело? Никто тебя не обижает? Нашёл новых друзей?»

«Весело, кто-то щипал меня за лицо, и, и забирал вещи, у красивой сестрёнки были

сладости...»

Он полез в одежду, долго там копался, и его маленькая пухлая ручка схватила сморщенную, помятую конфету: «Сладкая, для Дуодуо».

Сердце Лу Ичуаня вдруг сжалось.

«Мне не нужно...» — сказал он, — «Ешь сам, Жунжун».

Малыш Жунжун был так мил, что многие давали ему конфеты, и в юном возрасте у него уже появились признаки разрушения зубов, поэтому ему приходилось строго контролировать количество съеденных конфет.

Получив конфету в детском саду, он всё равно хотел оставить её Лу Ичуаню, видимо, он действительно его очень любил.

Увидев, что Лу Ичуань отказался, Цзян Хэн быстро развернул фантик, сунул конфету себе в рот, щека выпирала от неё, и он радостно улыбался, щуря глаза.

«Дуодуо...» — невнятно произнёс он, — «Тебе долго там быть? Когда будешь играть с Жунжуном?»

Лу Ичуань пошевелил коленом, чувствуя жгучую боль.

Его мать днём в приступе ярости толкнула его, и он нечаянно упал на гравийную дорожку в саду, колено, вероятно, было содрано.

«Сегодня, наверное, не смогу, я здесь спрятал сокровище, и должен охранять его всю ночь, иначе кто-нибудь украдёт».

Маленький Цзян Хэн, казалось, понял: «Что такое сокровище?»

«Это очень важная вещь».

«Например...»

Он медленно сказал.

«Например, Жунжун».

По сравнению с Лу Ичуанем, который был настолько развит не по годам, что казался чудаком, Цзян Хэн был самым обычным ребёнком. Услышав это, он лишь уставился на Лу Ичуаня и глупо улыбнулся, даже не заметив, как у него течёт слюна.

«Я останусь с тобой...»

На улице стемнело, и вдалеке зажглись несколько звёзд.

Малыш Цзян Хэн, продолжая улыбаться, покачнулся: «В детском саду много детей, весело, я завтра ещё пойду...»

Лу Ичуань спросил его: «Что ты там учил?»

«Песню!»

Малыш Жунжун громко сказал: «Сегодня пели песню!»

Лу Ичуань не ел весь день, и желудок сводило от боли. Он посмотрел на Цзян Хэна: «Какую песню вы учили?»

«Маленькие звёздочки! И ещё, и ещё...»

Он немного подумал.

«Букашки летят!»

Лу Ичуань рассмеялся: «Это «Жуки летят»».

Малыш Цзян почесал голову: «Да, жуки летят!»

«Правда? А как поют «Жуки летят»?»

Цзян Хэн почесал ноги, затем руки, словно наконец вспомнив, громко запел.

«Жуки летят... жуки летят...»

«А дальше?»

«Жуки летят... жуки летят...»

«Глупый».

«...»

—

Чёрное небо опустилось,

Яркие звёзды за ним следуют.

Жуки летят,

Жуки летят,

По кому ты тоскуешь?

...

Лу Ичуань опустил голову, глядя на своего кота. Он замолчал, затянулся сигаретой: «Не нравится?»

Дым вырвался в лицо Цзян Хэна, он растянул губы в улыбке, затем слегка вздохнул: «Конечно, коту следует слушать кошачьи песни, а детские песенки — для детей».

Он достал свой телефон, поискал и нашёл так называемую кошачью песню, включил её для Цзян Хэна, а сам прикурил ещё одну сигарету.

Дождь не прекращался весь день, и они так и сидели на балконе, слушая кошачьи песни и куря сигареты весь вечер.

На следующий день дождь тоже не прекращался, и Лу Ичуань отвёз Цзян Хэна в больницу на укол.

Давно не делали уколов, и вдруг один укол, Цзян Хэн тут же закричал от боли.

В отличие от того, как раньше он мог только молча терпеть, на этот раз Лу Ичуань был рядом с ним, мужчина обнимал его и нежно уговаривал.

Врач, увидев это, взглянул ещё раз: «Изначально вы казались таким равнодушным, не ожидал, что через неделю вы станете кошатником».

Лу Ичуань протянул руку, чтобы вытереть влагу с его стеклянных глаз, и, услышав это, улыбнулся: «Да, тогда я только и делал, что учился, и ничем другим не интересовался. Теперь, если подумать, хорошо, что у меня есть такой малыш».

Врач убрал свои инструменты: «Да, с таким пушистым малышом рядом, настроение каждый день будет намного лучше, когда возвращаешься домой».

«Кстати», — сказал он, — «я ещё не спрашивал, как вы его назвали? Мы здесь ведём запись».

Лу Ичуань сказал: «Пусть будет Мими».

Врач опешил на две секунды: «Это имя...»

Мужчина беспомощно улыбнулся: «У меня нет таланта к именованию».

Врач посмеялся: «Да, Мими тоже неплохо, по крайней мере, никто не ошибётся, называя его».

Последние два дня жизнь Лу Ичуаня была до ужаса размеренной: он неизменно вставал в половине седьмого утра, если не было дождя — бегал, если был дождь — тренировался на балконе, в половине восьмого умывался и завтракал, затем учился до обеда, после обеда ходил на собрания или занятия, а вечером ещё полчаса выгуливал Цзян Хэна.

Казалось, всё налаживалось.

И вот, не успев оглянуться, как наступил Цинмин.

На самом деле Цзян Хэн ещё не знал, что наступил Цинмин, он увидел, как Лу Ичуань с утра переодевался несколько раз, затем сделал причёску, нанёс парфюм.

Сначала он подумал, что тот идёт на свидание, пока не увидел, как мужчина насыпал ему корма, которого хватило бы на несколько дней, и, наклонившись, попрощался.

«Я, наверное, несколько дней не вернусь, ты будь дома послушным».

Взглянув на дату в его телефоне, он понял, что наступил Цинмин.

Он что, идёт к нему?

—

В Цинмин всё ещё шёл дождь, и у общежития Сун Чжан уже ждал.

Увидев Лу Ичуаня, он протянул ему зонт и пожаловался: «В этом году слишком много дождей, уже неделю подряд идёт, люди скоро заплесневеют».

Слушая его жалобы, Лу Ичуань наоборот рассмеялся: «Это же сезон дождей, какой же сезон дождей без дождя».

Сун Чжан повернул голову и посмотрел на него, и когда его взгляд встретил расслабленные брови Лу Ичуаня, сердце его вдруг ёкнуло: «Лу Ичуань...»

Лу Ичуань повернулся, похлопал его по плечу: «Почему ты смотришь на меня, как на призрак? Пошли, поскорее туда и обратно, ты же говорил, что днём тебе ещё нужно навестить бабушку?»

Он выглядел слишком обычным, ничем не отличаясь от тех, кто в Цинмин собирался на могилы.

Но именно потому, что он был слишком обычным, это вызывало у Сун Чжана жуткое чувство.

«Лу Ичуань, что с тобой случилось?»

Мужчина посмотрел на него: «Хм? Что случилось?»

Сун Чжан отвёл взгляд: «Люди из семьи Цзян сказали, когда они пойдут? Нам стоит пойти в другое время?»

«Не нужно». Лу Ичуань открыл дверцу машины и сел: «Цзян Чжуо сказал мне, что его брату стало плохо, сейчас он в больнице, его родители не смогут приехать, он пойдёт один».

Сун Чжан замолчал.

Он хотел что-то сказать, но не знал, что именно.

Лу Ичуань пристегнул ремень безопасности, словно не заметив его замешательства: «На самом деле, если ты занят, то можешь не ходить, это не так уж важно».

Холод пробежал по позвоночнику Сун Чжана: «Что ты имеешь в виду? Почему это неважно?»

«Изначально это не так уж важно, у Цзян Хэна и тебя не было очень хороших отношений, на самом деле нет необходимости каждый год ездить со мной, у тебя тоже есть свои дела».

Он добавил: «Если ты чувствуешь вину, то на самом деле не нужно, это не имеет к тебе отношения, это я был глуп, что обвинил тебя».

Его слова, словно шип, резко вонзились в Сун Чжана.

Четыре года назад, если бы он внезапно не позвал Лу Ичуаня по срочному делу, Лу Ичуань и Цзян Хэн не расстались бы, и Цзян Хэн не сел бы в ту машину.

Все эти годы он был как насадка рядом с Лу Ичуанем, неумолимо заботясь о нём, было ли это от хороших отношений или ещё от чего-то, сам Сун Чжан не мог точно сказать.

Сун Чжан выругался: «Ты думаешь, я хочу быть с тобой? Ты только посмотри на себя, если бы не я, ты бы смог вернуться?»

Лу Ичуань бросил ему в руки жвачку: «Спасибо, но больше не понадобится».

Сун Чжан в изумлении повернул голову, держа жвачку: «Что значит «больше не понадобится»?»

Лу Ичуань запрокинул голову и выдул пузырь: «Это значит, что я больше не буду тебя беспокоить, чтобы ты тащил меня домой посреди ночи».

Ощущение холода ничуть не рассеялось, наоборот, оно поднялось до самой макушки.

Банка с жвачкой в руке Сун Чжана почти деформировалась, и даже его улыбка стала очень натянутой: «Ты не будешь меня беспокоить? Значит, ты собираешься начать новую жизнь?»

Сидевший рядом с ним мужчина прищурился, глядя на дождь за окном, его голос был ленивым: «Пожалуй, да, людям всегда нужно двигаться вперёд».

Люди всегда хотят двигаться вперед, но Лу Ичуань этого не делает.

—

За дорогой кладбищенской оградой было просторно и пустынно. Когда Лу Ичуань и Сун Чжан подъехали к входу, там никого не было.

Когда они вышли из машины, дождь значительно стих, и оба не брали зонты. Лу Ичуань натянул на голову бейсболку.

Когда они приехали, Цзян Чжуо уже был там. Перед надгробием стоял букет хризантем, он

низко склонил голову, что-то шепча.

Увидев их, Цзян Чжуо уступил место.

Он объяснил Лу Ичуаню: «Болезнь Синбая очень опасна, он не может покинуть больницу, поэтому сегодня никак не сможет приехать, они приедут с ним, когда ему станет немного лучше».

Лу Ичуань перевёл взгляд на чёрно-белую фотографию: «Не нужно мне объяснять, приедут они или нет — их дело, к тому же...»

Он наклонился и положил перед надгробием жасмин: «Умершие ушли, а живые важнее всего».

Он был так доброжелателен, что Цзян Чжуо не мог ничего сказать: «Ичуань, то, что произошло в тот день, было ошибкой Синбая, я уже его наказал, впредь он не появится перед тобой».

Лу Ичуань даже не взглянул на него.

Сун Чжан подмигнул ему: «Мы сначала спустимся, ты останься с ним немного».

Когда они ушли, Лу Ичуань вытер капли дождя с надгробия.

Он облокотился на надгробие и медленно сел. Вокруг было туманно, высокий мужчина сидел, прислонившись к надгробию, его лицо было прижато к холодному камню, пальцы скользили по чёрно-белой фотографии подростка.

Пытаясь согреть холодный памятник.

Лу Ичуань молчал, он просто сидел, словно заснул.

Только когда дождь промочил его насквозь, он пошевелил пальцами.

«Прости...»

Хриплым голосом он сказал: «Я так давно здесь, а ничего тебе не сказал».

«Но что толку говорить, ты же всё равно не слышишь».

«Если бы ты слышал, почему бы ты не пришёл ко мне?»

Ветер пронёсся мимо него, ледяной до костей.

«Жунжун всегда молчит».

«Молчит».

«Даже во сне не приходит ко мне».

«Но ничего страшного...»

Он улыбнулся и сказал.

«Мы скоро встретимся».

Он наклонился и нежно поцеловал фотографию, поцелуй был влажным от свежего воздуха Цинмина.

«Жить так тяжело».

«Я очень старался жить четыре года».

«Жунжун меня понимает, верно?»

«...»

«Если не скажешь ничего, я посчитаю это согласием».

...

Сун Чжан ждал до полудня, пока появится Лу Ичуань, что его удивило, ведь в прошлые годы он всегда тащил его оттуда только после наступления темноты.

«Почему ты в этот раз так рано?»

Лу Ичуань длинными шагами подошёл и сел рядом с ним: «Мне нечего было сказать, вот и вышел».

Сун Чжан чувствовал, что что-то не так, но прежде чем он успел разобраться, Лу Ичуань снова сказал: «Дождь снова усилился, давай что-нибудь поедим, прежде чем уезжать».

Они сидели в кафе у входа на кладбище, заказали по миске лапши. Вкус был не очень хорошим, но они всё равно всё съели.

Но оказалось, что после еды дождь не только не стих, но и превратился в ливень.

Оба были вынуждены ждать, пока ливень прекратится, чтобы уехать.

Возможно, из-за праздника, а может, из-за погоды, Сун Чжан не удержался и попросил у Лу Ичуаня сигарету.

Он смотрел на дождевую завесу перед собой, возможно, услышав, что Лу Ичуань наконец-то двинется вперёд, он был на удивление тронут.

«Честно говоря, все эти годы, видя тебя таким, я иногда жалею».

«Жалею, что тогда спас тебя».

Даже сейчас, вспоминая ту картину, Сун Чжан испытывал ужас.

Он забыл, как открыл дверь комнаты Лу Ичуаня. С первого взгляда — вся комната в крови, раны были такими глубокими, что виднелись кости. Если бы Сун Чжан опоздал хоть на шаг, Лу Ичуань действительно умер бы.

«Тогда я учился на врача и всегда считал себя ангелом в белом халате, спасти людей было моей миссией. Все эти годы я спасал столько людей, и ни разу не пожалел, кроме тебя...»

Лу Ичуань молчал.

Сун Чжан подумал, что, возможно, жить — это для него самое большое наказание.

Он не сказал Лу Ичуаню, что, наблюдая, как тот с открытыми глазами проводит бесчисленные долгие ночи, а затем на следующий день как ни в чём не бывало продолжает жить, он не мог не думать:

Может, хватит?

Но его профессиональная этика не позволяла ему произнести эти слова.

И вот он оставался с Лу Ичуанем. Год, два, три...

Позже Сун Чжан наконец понял.

Лу Ичуань давно умер, умер в тот яркий солнечный полдень.

Он был как сломанные часы, в которые насильно вставили батарейку, и независимо от того, как размеренно движутся стрелки, их ждал только один конец —

Остановка.

Сун Чжан затянулся сигаретой: «Поэтому я очень рад, рад, что ты наконец-то смог всё понять, людям действительно нужно смотреть вперёд».

Лу Ичуань положил руки на колени. Перед ним простирались горы. Среди них возвышались надгробия, излучая холодный свет.

Он найдёт своё.

—

<http://bllate.org/book/14493/1282714>